

ЭКСПАНСИЯ ЦИНСКОГО КИТАЯ В ПРИАМУРЬЕ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В XVII—XVIII ВЕКАХ

Г. В. Мелихов

К 80-м годам XVII в. хозяйственное освоение русскими поселенцами Приамурья ознаменовалось крупными успехами¹. Здесь было построено большое количество острогов и иных поселений со значительным по тем временам населением². За хозяйственным освоением Приамурья последовало административное оформление и юридическое закрепление этой территории в составе Русского государства. С 1682 г. была официально учреждена отдельная административная единица — Албазинское воеводство³. Успешная хозяйственная деятельность русских поселенцев на Амуре обусловила возможность дальнейшего освоения левобережья, прежде всего бассейна ближайшего и наиболее крупного притока Амура — р. Зеи. Здесь были поставлены Селимджинский, Верхозейский и Долонский остроги, а также Зейское зимовье, население которых занималось земледелием, скотоводством, различными промыслами, торговлей и разработкой полезных ископаемых⁴.

Освоение русскими поселенцами бассейна Амура вызывало у маньчжуро-цинов все возрастающее беспокойство. Убедившись в непригодности таких старых форм борьбы за Приамурье, как единовременные выходы маньчжурских вооруженных отрядов на Амур, цинское правительство стало изыскивать новые, более эффективные методы, обратившись вслед за русской стороной к хозяйственному освоению территории как к единственной возможности закрепиться в Приамурье и обеспечить постоянное размещение здесь маньчжуро-цинских войск. Вторым компонентом плана цинского правительства была дипломатическая подготовка готовившейся агрессии.

Маньчжуры восприняли при этом китайские внешнеполитические традиции⁵, в число которых входили и разнообразные приемы исторической дезинформации. В ходе подготовки к войне (1682—1685 гг.) цинское правительство создало целую серию исторических документов, где земли Приамурья, которыми Русское государство владело уже более 40 лет, объявлялись «захваченными», «воровским образом занятыми» и т. п. или, иными словами, будто бы отторгнутыми от Цинской им-

¹ П. Т. Яковлева. Первый русско-китайский договор 1689 г. М. 1958, стр. 61—62; В. А. Александров. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). М. 1969, стр. 5—44.

² В. А. Александров. Указ. соч., стр. 28—29 и сл., 34.

³ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 9, ч. 1, л. 54; П. Т. Яковлева. Указ. соч., стр. 119.

⁴ В. А. Александров. Начало хозяйственного освоения русским населением Забайкалья и Приамурья (вторая половина XVII в.). «История СССР», 1968, № 2; его же. Россия на дальневосточных рубежах, стр. 32—34.

⁵ G. Cahen. Histoire des relations de la Russie avec la China sous Pierre le Grand (1689—1730). P. 1912, pp. 24—25 ff.

перии⁶. Это была сознательная и широко задуманная дипломатическая диверсия, являвшаяся составной частью плана цинского правительства. Таким образом, основная цель начатой императором Канси дипломатической подготовки агрессии на Амуре состояла в том, чтобы представить дело так, будто Приамурье ранее принадлежало Цинской империи, а русские-де отторгли его, и поэтому «освобождение своих» земель составляет «историческую» миссию Цинской династии.

К 1683 г. политическое и экономическое положение маньчжурской династии Цин в Китае стабилизировалось. Это позволило ей приступить к территориальным захватам за счет соседей. Прежде всего цинское правительство предприняло более решительные действия на Амуре. Император Канси принял окончательное решение воспрепятствовать освоению русскими этого края. Однако обстановка, сложившаяся к тому времени в Приамурье, равно как и географические условия этого района, были плохо известны Цинам. Чтобы начать активные действия в Приамурье, им необходимо было сначала произвести разведку местности: изучить природные условия, рельеф, систему путей сообщения и пр. Но прежде всего следовало выяснить природные условия районов, лежавших в непосредственной близости к основной базе маньчжуров, например, гириных земель.

С этой целью еще в 1682 г. под Албазин были посланы два маньчжурских лазутчика — Лантань и Пэнчунь в сопровождении вооруженного отряда. Получив от них донесение, Канси решил мобилизовать расквартированные на Северо-Востоке маньчжурские войска и вывести их в Приамурье, о чем и был дан указ Государственному совету. Обращает на себя внимание фраза из этого указа: «Посылать войска (то есть начинать войну.— Г. М.)— не доброе дело»⁷. Эта формула неоднократно встречается и в последующих указах Канси. В связи с этим следует отметить две тенденции, в равной степени характерные для политики всех маньчжуро-цинских правителей, начиная еще с Нурхаи и Абахая: разворачивать захватнические войны в отношении своих соседей, скрываясь при этом под личиной «миролюбцев». Так, осуществляя нападения на Корею, Абахай заявлял: «Война не является хорошим делом. Поистине со всеми государствами мы хотим жить в мире»⁸. Эти слова о мнимом миролюбии очень часто встречаются в маньчжурских хрониках, повествующих о походах против минского Китая, Кореи, монголов, северо-восточных племен. Эта миролюбивая фразеология маньчжурских официальных документов неизменно сопутствовала подготовке очередных военных акций против соседних государств. Она была предназначена для маскировки агрессивных действий Цинов.

Ту же политику проводили маньчжуры, приступив к захватническим действиям на Амуре. Указы Канси в 1682—1687 гг. пестрят фразами о миролюбии, о стремлении избежать войны и уладить возникшие спорные проблемы мирными средствами, путем переговоров и пр. Тем

⁶ В настоящее время в Пекине предпринимаются попытки «утвердить права» Китая на бассейн Уссури с помощью «археологических данных» («Гуанмин жибао», 29.III.1972). О действительном статусе Северо-Востока (Дунбэя) в различные периоды XIII—XVII вв. см. наши работы: «Установление власти монгольских феодалов в Северо-Восточном Китае» («Татаро-монголы в Азии и Европе», М. 1970); «Политика Минской империи в отношении чжурчженей (1402—1413 гг.)» («Китай и соседи в древности и средневековье», М. 1970); «Процесс консолидации маньчжурских племен при Нурхаи и Абахая (1591—1644 гг.)»; «К истории проникновения маньчжуров в бассейн Верхнего Амура в 80-х годах XVII в.» («Маньчжурское владычество в Китае», М. 1966).

⁷ «Да Цин Шэнцзу Жэньхуанди шилу» («Правдивые записи о правлении гуманного императора Шэнцзу великой Цин»). [Токио]. 1937, гл. 106, стр. 236 (далее — «Шэнцзу шилу»); «Баи тунчжи чунзи» («Первоначальное издание Описания восьми знамен»). Б. м. 1734, гл. 153, стр. 156.

⁸ «Да Цин Тайцзун Вэньхуанди шилу» («Правдивые записи о правлении изысканного императора Тайцзуна великой Цин»). [Токио]. 1937, гл. 2, стр. 7а.

самым создавалось впечатление, будто Цинская империя всеми силами стремится к миру со своим соседом — Русским государством, к мирному разрешению становившегося все более актуальным вопроса о разграничении владений обоих государств на Дальнем Востоке. Однако в действительности дело обстояло совершенно иначе. Цинские войска истребляли в Приамурье русское население, разоряли здесь и в бассейне Зеи русские остроги. «Мирная инициатива», «мирные теории» Канси находились в полном противоречии с проводимой им политикой. Подлинные цели и намерения цинского правительства настолько искусно скрывались цинской дипломатией, что у некоторых историков, недостаточно знакомых с маньчжуро-цинскими документами по данному вопросу, даже сложилось представление, что Канси якобы искренне стремился к разрешению амурской проблемы (которую, кстати, он сам и создал) мирным путем⁹. Цинские же исторические источники свидетельствуют, что Канси всегда резко отзывался об освоении русскими Амура, а с 80-х годов XVII в. начал активную подготовку к военным действиям в этом районе, маскируя ее миролюбивыми фразами. Действительный смысл этого мнимого «миролюбия» состоял всего лишь в неподготовленности маньчжур-цинов к немедленному развертыванию военных действий на Амуре.

Предпринимая военное наступление в Приамурье, Цины старались пользоваться не сухопутными дорогами, которые были им неизвестны, а прежде всего водными путями. Они энергично взялись за создание на этих путях достаточно сильного речного флота. После того, как маньчжурская армия прибыла на Амур, местом ее дислокации стал район Эсули, между Айхунем и Комарой.

В течение 1683 г. прибывшие на Амур маньчжурские войска продолжали вытеснять русских поселенцев из бассейна Зеи и Приамурья, разоряли их остроги, поселения и заимки. Маньчжуры, укрепившиеся в Эсули, перехватывали русские суда, плававшие по Амуру. Маньчжурские власти всячески подстрекали отдельных представителей приамурских народностей к выступлениям против русских. Эти агрессивные действия прикрывались заявлениями о «защите» малых народностей. Однако ни один из известных нам маньчжуро-цинских источников не содержит ни малейшего намека на то, что приамурские народы когда-либо обращались к Цинам с просьбой о помощи или защите от русских. Более того, многочисленные факты доказывают, что приамурское население отнюдь не желало мириться с устанавливаемым на Амуре господством маньчжуров, ибо последние были ему слишком хорошо известны¹⁰. Представители этих народностей бежали от маньчжуров и массами переходили в русское подданство¹¹.

Начиная с конца октября 1683 г. между амурским главнокомандующим Сабсу и Пекином началась оживленная переписка относительно кампании против Албазина, а также о снабжении маньчжурского войска в Приамурье. Сабсу доказывал в своих донесениях в Пекин, что необходимо изменить условленный срок нападения на город, и сумел убедить в этом цинское правительство. Так, 28 октября Сабсу доносил,

⁹ G. Cahen. Op. cit., pp. 24—25; V. Chen. Sino-Russian Relations in the Seventeenth Century. Hague, 1966. pp. 76, 77—80; Цзян Тин-фу. Цзуй цзинь саньбайнянь Дунбэй вэйхуань ши (История иностранной агрессии на Северо-Востоке за последние 300 лет). Бэйпин. 1932, стр. 14.

¹⁰ Характер взаимоотношений Цинской империи с местными народами в прошлом — постоянные нападения маньчжуров и массовые уводы в плен местных жителей, принудительный товарообмен с маньчжурами, поборы мехами, взимаемые цинскими чиновниками по несколько раз в год, — заставляет серьезно сомневаться в самой возможности обращения коренного населения Приамурья к маньчжурам за такой помощью.

¹¹ См. П. Т. Яковлева. Указ. соч., стр. 48—51.

что если начать наступление на Албазин зимой (как это предлагалось в императорском указе)¹², то трудно будет своевременно доставить к театру военных действий пушки и военное снаряжение, в глубоких снегах невозможно действовать маньчжурским войскам, главную ударную силу которых составляла конница. Сабсу предлагал нанести удар по Албазину в мае 1684 г., когда растают снега¹³. Сабсу решительно возражал также против немедленного переселения в Эсули дополнительного числа военных-маньчжуров, да еще с семьями, ссылаясь на то, что ему негде будет разместить и нечем будет прокормить вновь прибывших. Канси вынужден был согласиться с доводами Сабсу, но выразил заметное недовольство. Для того, чтобы уладить многочисленные вопросы, поставленные амурским командующим относительно снабжения войск и их действий, в армию был назначен чиновник Лифаньюаня (Управление внешних сношений) Эрсай. В ходе совещания Сабсу и Эрсая выяснилось, что для осуществления намеченных планов — переселения знаменитых маньчжуров на новые места, строительства крепостей и возделывания полей в Приамурье — людей не хватит, в связи с чем было предложено послать туда еще 500 воинов из гарнизонов Гирина и Нингуты. Однако Канси считал более целесообразным направить на Амур людей (600 воинов) из мукденского гарнизона (они должны были прибыть на место к апрелю 1684 года)¹⁴.

Нерешительность действий Канси в этот период объяснялась, по-видимому, отсутствием в Пекине достаточной информации об обстановке в Приамурье. Обращает на себя внимание и несогласованность планов императора с действиями главнокомандующего цинскими войсками на Амуре, сказавшаяся, в частности, в многократном оттягивании намеченных сроков нападения на Албазин. Как показали последующие события, Сабсу не был уверен в том, что Канси не отзовет прежде всего из-за трудностей со снабжением посланное на Амур маньчжурское войско и не вернет его обратно в Мукден или Гириин. Такие сомнения имели под собой почву, если учесть, что Канси все-таки не был убежден в успехе военного похода против Русского государства.

Фактическая бездеятельность маньчжурского командующего на Амуре, постоянно ссылавшегося на необходимость более тщательной подготовки к походу на Албазин, продолжалась еще около двух лет. 1684 год ознаменовался лишь операциями цинских отрядов в среднем и нижнем течении Амура. Сабсу доносил о них в своем докладе, приводимом в «Шэнцзу шилу» под 4 марта 1684 года¹⁵. Действуя на территории, занятой военными силами Русского государства, вдали от своих основных баз, маньчжуры, несмотря на концентрацию огромных сил, численно многократно превосходивших русских, чрезвычайно опасались ответного удара. Не случайно под Албазин все время засылались маньчжурские разведчики. В июне 1684 г. один из таких лазутчиков — Мала — прислал донесение об обстановке на Верхнем Амуре и об Албазине¹⁶. Наибольшее внимание цинского правительства и самого Канси привлекло предложение Мала совершить ложный маневр и захватить посеянные русскими под Албазином хлеба. Началась подготовка к этой операции.

Выступление против Албазина указом императора было намечено

¹² См. «Шэнцзу шилу», гл. 109, стр. 8а-б.

¹³ Там же, гл. 112, стр. 6а.

¹⁴ Там же, стр. 6б—8а.

¹⁵ «Шэнцзу шилу», гл. 114, стр. 3а-б; «Пиндин лоча фанлюе» («Высочайшая стратегия усмирения русских»). В кн. Хэ Цю-тао. Шофан бэйчэн (Полное описание северных областей). Б. м. 1881, гл. 5, стр. 1а. Перевод этого источника на русский язык см.: «Русско-китайские отношения в XVII веке». Т. 2 (1686—1691). М. 1972, стр. 660—688.

¹⁶ См. Г. В. Мелихов. К истории проникновения маньчжуров в бассейн Верхнего Амура., стр. 124—125.

на лето 1684 года. Однако Сабсу, получивший сведения об укреплении Албазина и увеличении численности его гарнизона, вопреки указу императора и в этот раз не решился напасть на город. Вместо этого амурский командующий 12 августа 1684 г. прислал в Пекин письмо, в котором, не сообщая ничего о причинах и мотивах невыполнения императорского указа, писал: «В текущем году временно следует отложить военные действия против мятежников (? — Г. М.) в местности Албазин и послать против них войска, дождавшись четвертой луны будущего года (май 1685 г. — Г. М.)»¹⁷. Из «Пиндин лоча фанлюе» видно, что Сабсу объяснял свое неповиновение императорскому указу задержкой с поставками продовольствия, которое было получено только 14—21 июля 1684 г., когда, по сведениям перебежчиков, русские уже начали уборку своих «раннеспелых» (по-видимому, озимых) хлебов. Сабсу ссылался также на наступление сезона дождей. Вода в Амуре, писал он, очень поднялась, путь же по суше преграждают грязевые заносы; поэтому ранее чем через месяц маньчжуры не сумеют добраться до Албазина и уже не успеют захватить хлеба на русских полях. Наконец, он приводил и тот довод, что, выступив в поход, маньчжуры не смогут отремонтировать до холодов свои жилища в Эсули. Характерно, что Сабсу в своем письме вообще не выражал уверенности в том, что маньчжурам удастся взять Албазин¹⁸.

Отписка Сабсу вызвала у императора сильнейшее раздражение. В специальном указе, направленном Сабсу 12 августа 1684 г., Канси подчеркнул, что план нападения на Албазин с целью захвата посеянных русскими хлебов, предложенный Мала, сулил маньчжурам значительные выгоды, которых можно было к тому же добиться путем наименьшей затраты сил и средств; для русских же потеря урожая создала бы значительные трудности и даже могла вынудить их уйти с насиженных мест. С точки зрения маньчжурского военного устава, проступок Сабсу был весьма серьезным. 19 октября Государственный совет доложил, что Сабсу вследствие своей бездеятельности упустил хорошую возможность нанести урон неприятелю и по императорскому указу должен предстать перед судом¹⁹. Но, по-видимому, при цинском дворе возникло опасение, что отзыв и наказание вслед за первым и второго главнокомандующего еще больше подорвет и без того невысокий боевой дух маньчжурских войск, дислоцированных на Амуре, и таким образом задержит начало каких-либо активных действий в этом районе. В официальных цинских документах того времени по этому поводу говорится: «Ныне он (Сабсу. — Г. М.) повел большое войско и находится вблизи русских границ, поэтому следует подождать до конца дела...» Так или иначе, но Сабсу не был снят со своего поста, хотя его и отстранили от непосредственного руководства боевыми действиями, переданного в руки его помощника — Пэнчуня²⁰.

6 февраля 1685 г. началась активная подготовка маньчжурами нападения на Албазин. Основное внимание было уделено доукомплектованию амурской армии хорошо обученными воинами из внутренних гарнизонов, своевременному обеспечению их необходимым снаряжением. Стремясь оправдать готовящееся агрессивное нападение, а вместе с тем поднять невысокий боевой дух своих войск, император 5 февраля 1685 г. издал указ, в котором обосновывал военные операции маньчжуров в Приамурье исключительно интересами «защиты» малых местных народностей. Этот указ был полон демагогических обвинений по адресу Русского государства. В указе было также впервые высказано

¹⁷ «Шэнцзу шилу», гл. 116, стр. 16.

¹⁸ «Пиндин лоча фанлюе». Там же, гл. 5, стр. 86.

¹⁹ «Шэнцзу шилу», гл. 116, стр. 226.

²⁰ «Пиндин лоча фанлюе», гл. 5, стр. 9а.

ничем не обоснованное требование об установлении границы между Цинской империей и Русским государством по якутским землям, о которых Канси вряд ли вообще имел какое-нибудь представление. В указе содержится весьма интересное признание императором слабости маньчжурского влияния в Приамурье и фактическом отсутствии здесь каких-либо цинских опорных пунктов и земледельческих баз для колонизации края. «Если после объявления (русским) данного указа,— говорилось в нем,— русские повинуются и вернутся в Якутск, мы сразу же разместим войска в Хэйлунцзяне, а в Албазине поставим (свои) караулы, чтобы (обеспечить) на границах полное спокойствие. Если же русские будут по-прежнему упорствовать, наши командующие должны обдумать, что следует предпринять дальше. Если мы не разработаем подробный план, то (может получиться так, что) сегодня мы захватим город Албазин и русские отступят, а когда же мы отзовем (свои войска), они (снова) выдвинутся вперед. В этом случае военным действиям не будет конца... Можем ли мы действовать таким образом? Вы должны тщательно и подробно обсудить этот вопрос»²¹. Канси, очевидно, понимал, что при отсутствии на Северо-Востоке какой-либо базы для колонизации Приамурья трудно будет добиться здесь удобного Цинской империи территориального размежевания.

Между тем положение в маньчжурском войске на Амуре было в высшей степени неустойчивым. Под 1 марта 1685 г. «Шэнцзу шилу» сообщает: Ведомство финансов доложило: «Хэйлунцзянский цзолин (ротный командир.— Г. М.) Осэ и другие прислали официальное донесение, в котором сообщается, что весь тягловый скот пал; сельскохозяйственные орудия приведены в негодность, а уже приближается время начала весенних (сельскохозяйственных) работ. Необходимо послать чиновника из управления внешних сношений вместе с Мала, чтобы они закупили нужное количество скота и прислали его (в Айхунь). Следует приказать Сабсу заготовить сельскохозяйственные орудия». На это донесение поступил следующий ответ: «Получен императорский указ: «Сабсу умышленно (!— Г. М.) испортил сельскохозяйственные орудия и допустил падеж всего тяглого скота. Он преследует цель всеми средствами оттянуть (наступление), так как надеется, что через некоторое время будет отозван с Хэйлунцзяна»²². Хотя цинское правительство приложило немало усилий, чтобы форсировать пополнение личного состава хэйлунцзянской армии и снабдить ее боевым снаряжением, осуществлялись все эти мероприятия очень медленно.

23 июня маньчжуро-цинские войска под командованием Пэнчуня подошли к Албазину. 25 июня начался артиллерийский обстрел города, а 26-го на рассвете маньчжуры пошли на штурм²³. Биография полководца Лантаня в «Бацзи тунчжи чуцзи»²⁴ уточняет, что маньчжуры начали штурм еще вечером 25 июня и продолжали свои атаки «до исхода следующего дня». Албазин был зажат осаждающими в плотное кольцо. Тем не менее нападение маньчжуро-цинских войск было отбито. Более того, защитники Албазина сами совершили несколько вылазок против маньчжуров. Убедившись в невозможности взять город приступом, Лантань, командовавший одной из армий маньчжуров, предложил поджечь его. Албазин был обложен грудями хвороста и дров и подожжен. Положение русских в горящем городе становилось невыносимым, и начальник гарнизона города А. Толбузин вступил в переговоры с мань-

²¹ «Шэнцзу шилу», гл. 119, стр. 66—86; цинский хронист Хэ Цю-тао дает пересказ этого документа (см. Хэ Цю-тао. Указ. соч., гл. 14, стр. 256—266).

²² «Шэнцзу шилу», гл. 119, стр. 106—11а; «Пиндин лоча фанлюе», гл. 5, стр. 12а.

²³ Там же, гл. 121, стр. 96.

²⁴ «Бацзи тунчжи чуцзи», гл. 153, стр. 11а—32б. Перевод главы 153 («Биография Лантаня») см.: «Русско-китайские отношения в XVII веке». Т. 2, стр. 689—701.

чжурами об условиях сдачи крепости. Маньчжурское командование, руководствуясь инструкциями Канси, разрешило русским уйти в Нерчинск, причем маньчжурские военачальники Баньдарша и Вэньдай сопровождали их до местности Элигуна (р. Аргунь)²⁵.

Взятие Албазина вызвало ликование при маньчжурском дворе. Амурская кампания, по-видимому, была сочтена завершенной. Заслуга Пэнчуня была высоко оценена Канси. На донесении военного ведомства император наложил резолюцию: «Эта военная заслуга не сравнима с заслугами Миньаньдали и других. В течение многих лет мы не могли изгнать (русских)... Эту победу еще мало считать заслугой первой степени. Ее следует назвать первой среди военных заслуг первой степени»²⁶. После разрушения Албазина маньчжурские войска сразу же были отведены из этого района и только небольшой отряд оставлен в крепости Айхунь.

Пришедшим в Нерчинск албазинцам нерчинский воевода И. Власов приказал вернуться обратно, «чтобы не потерять... Даурской земли и победной из Нерчинска славы не учинить»²⁷. Посеянные албазинцами хлеба оказались целы, маньчжурское войско не тронуло их. Русские собрали урожай и отстроили Албазин вновь. Крепость была на этот раз обнесена земляным валом, обложенным дерном и облитым глиной, высотой в полторы сажени.

После первой албазинской кампании центром пребывания маньчжурской администрации в северных районах становится г. Моргэнь (современный г. Нуньцзян). Выбор его не был случайным. Местоположение Нуньцзяна было более удобным для маньчжуров, так как он находился значительно южнее крепости Хэйлунцзян на р. Нонни, ближе к старым центрам маньчжурской колонизации в Приамурье. Крепость Айхунь оставалась, таким образом, крайним цинским гарнизоном на севере. Этот факт лишний раз свидетельствует о подлинных пределах влияния маньчжуров в этом районе.

После разрушения Албазина Канси, видимо, рассчитывал заключить с Русским государством мирный договор, согласно которому разграничение между двумя странами должно было пройти по землям Нерчинского уезда. В указе императора говорилось: «Маньчжурское войско выступило в поход (на Русское государство), разрушило город Албазин..., запретив русским возвращаться. В то время наше войско еще не захватило земли Нерчинска. Следует границу установить по землям Нерчинска и запретить русским нарушать здесь границу. Известно, что за (этим) рубежом находятся места их промыслов»²⁸. Этот «вариант» границы совершенно игнорировал реальную обстановку, сложившуюся к тому времени в Приамурье, и прежде всего успехи русских в хозяйственном освоении края. Территориальные притязания Канси свидетельствовали о захватническом, агрессивном характере цинской политики.

11 февраля 1686 г. из полученного в Пекине донесения Сабсу цинское правительство узнало, что русские возвратились в Албазин и восстановили город. Канси издал указ, в котором говорилось: «Ныне Сабсу и другие доносят, что русские вновь отстроили Албазин. Следует немедленно выступить на них походом и уничтожить». Однако с новым походом цинский император все же решил обождать до получения точных данных от разведки, засланной под Албазин. Для обсуждения проблемы Албазина Канси распорядился собрать расширенный совет с участием государственных советников и принимавших ранее участие в военных действиях против русских Пэнчуня, Дунбао, Баньдарша, Лантаня и других.

²⁵ Там же, стр. 166—17а.

²⁶ «Шэнцзу шилу», гл. 122, стр. 246—25а.

²⁷ Цит. по В. А. Александров. Россия на дальневосточных рубежах, стр. 135.

²⁸ «Шэнцзу шилу», гл. 124, стр. 4а-б.

Серьезнейшее внимание было уделено сбору разведывательных данных²⁹.

Подготовка к новому наступлению на Албазин велась вплоть до июня 1686 года. Получив донесения лазутчиков о его новых укреплениях, Канси в июне отдал приказ Сабсу выступить с войсками из Нингуты, Гирина и внутренних провинций Китая и осадить Албазин. 11 июня маньчжурские командующие прибыли на Амур и, разделив свои войска на две группы, двинули их на Албазин по воде и по суше. 6 июля войска маньчжуров соединились в Чакэдане, неподалеку от Албазина.

На этот раз русская крепость была гораздо лучше обеспечена боеприпасами и продовольствием³⁰. Маньчжурский отряд был встречен ружейной и пушечной стрельбой. Неоднократные попытки овладеть Албазином не имели успеха, и маньчжурам пришлось перейти к длительной осаде, которая также не дала заметных результатов, несмотря на значительное численное превосходство осаждавших.

В период осады Албазина Канси вновь и вновь предъявлял территориальные претензии к Русскому государству. В указе Государственному совету от 14 сентября 1686 г., например, утверждалось, что Албазин и Нерчинск будто бы принадлежали маньчжурам, что русские якобы захватили эти два пункта у Цинской империи. В этом указе упоминалось о пересылке в Россию с голландским посланником грамоты, в которой цинское правительство заявляло о своем намерении «вернуть» обратно Албазин и Нерчинск и предлагало установить границу «по Якутской области»³¹.

Затянувшаяся осада Албазина поставила перед маньчжурами ряд проблем. Главными по-прежнему оставались отражение атак русских войск и снабжение армии продовольствием и фуражом. Маньчжурская армия несла потери и постоянно требовала подкреплений. На непрерывно поступавшие из Государственного совета и из военного ведомства просьбы об увеличении численности войск в Мукдене, а также о посылке на Амур дополнительно 1500 воинов из Нингуты и Гирина Канси отвечал отказом. С наступлением осени советники вновь обратились к императору, но вновь встретили отказ³². Затянувшаяся осада, продовольственные трудности, постоянные опасения, что русские нападут со стороны Нерчинска, наконец, вспыхнувшие в маньчжурском войске эпидемии — все это подрывало боевой дух маньчжурских воинов. Нараставшие трудности со снабжением северо-восточной армии вынудили Канси 19 января 1687 г. издать указ о запрещении вывоза зерна со всей территории Мукдена³³.

13 ноября 1686 г. в «Шэнцзу шилу» датировано получение грамоты русского правительства (от 10 декабря 1685 г.) с предложением приступить к переговорам по определению границ и прочим вопросам. Под этой же датой приводится ответ Канси на эту грамоту: «Русский царь, соблюдая этикет, говорит о мире и посылает гонца с просьбой снять осаду Албазина. Мы не намеревались уничтожать (этот) город (?! — Г. М.) и теперь желаем проявить великодушие. Приказываю Сабсу и другим: Отведите войско от Албазина и соберите его в одном месте. Разбейте (свой) лагерь поблизости от боевых кораблей»...³⁴ Безуспешная осада

²⁹ Там же, стр. 4а-б, 15а—16а.

³⁰ П. Т. Яковлев а. Указ. соч., стр. 124.

³¹ «Шэнцзу шилу», гл. 127, стр. 10а—11а. Полный перевод этого указа см.: А. Е. Любимов. Некоторые маньчжурские документы из истории русско-китайских сношений в XVII в. «Записки» Восточного отделения Русского археологического общества. Т. XXI: 1912, вып. II—III.

³² «Шэнцзу шилу»; гл. 127, стр. 18а-б, 19 а.

³³ Там же, стр. 23б—24б.

³⁴ Там же.

Албазина, вспыхнувшие в маньчжурском войске эпидемии³⁵ заставили императора согласиться на мирные переговоры с русским послом.

Получив императорский указ о снятии осады Албазина, Сабсу, видимо, некоторое время выжидал. Маньчжуры по-прежнему оставались в непосредственной близости от Албазина. Только 13 мая 1687 г. они отошли от него на 20 ли — в Чакэдань. Фактическое снятие блокады Албазина последовало 19 августа, когда маньчжурские войска были отведены в Айхунь и Моргэнь³⁶.

Положение дел в Приамурье продолжало серьезно беспокоить Цинов. В указе Канси от 28 ноября 1687 г. начальнику военного ведомства отмечалось: «Хэйлунцзян очень важен для нас. Размещенные там войска испытывают большие трудности. Это нам хорошо известно. Русские, вторгшись в эти места, захватили земли наших (? — Г. М.) дауров и солонов и таким образом тревожили наши границы более 40 лет... Если у нас не будет достаточного запаса продовольствия, мы не сможем добиться победы, как это и было при походах на русских Шархуды и Тахая... Если наши войска будут отозваны, русские все равно не смогут сразу же продвинуть (на Амур) большие силы. Об этом наши местные военачальники хорошо знают. Но русские вполне могут поступить и так: постепенно скапливаясь группами по одному-два или до десяти человек в районе Амура и Сунгари, начнут возводить там бревенчатые крепости и укрепятся в этих местах. Тогда нам уже будет трудно одолеть их, потому что русские войска займут положение хозяев, а наши войска окажутся в положении гостей (пришельцев). Если же мы постараемся создать большие запасы продовольствия и разместить постоянные гарнизоны, то положение наших войск будет прочным, русские же, напротив, будут испытывать затруднения. Отсюда ясно, что русские не смогут пробиться малыми силами, а если же они пришлют большие силы, то как они перевезут продовольствие для такой большой армии! Если же в районе Хэйлунцзяна мы не оставим постоянные гарнизоны, то бассейны рек Сунгари, Амура и земли вне их, равно как и население этих районов, мы не сможем удержать в подчинении»³⁷.

Этот указ представляет несомненный интерес. В нем Канси совершенно недвусмысленно признает отсутствие к 1687 г. маньчжурских населенных пунктов или постов и гарнизонов не только в Приамурье, но и на р. Сунгари. Из указа вытекает также, что владение бассейном этой реки император ставил в непосредственную зависимость от закрепления маньчжуров на Амуре, что свидетельствует о том, насколько важным для Цинов в стратегическом отношении являлся бассейн Амура. Это признание Канси имеет большое значение, поскольку служит еще одним доказательством полной безосновательности территориальных претензий к Русскому государству, выдвинутых цинской стороной как в императорских указах, так и во время Нерчинских переговоров.

Из указа также явствует, какое огромное, можно сказать, решающее значение имела проблема обеспечения продовольствием маньчжурского войска, направленного в 80-х годах XVII в. на Амур. Канси ставил вопрос о прочности положения маньчжуров и их закреплении на правобережье Амура и в его среднем течении в прямую зависимость от состояния дел со снабжением. В указе также признается, что нехватка продовольствия, которая давала себя знать по мере удаления маньчжуров от своих опорных баз, представляла к концу 1687 г. весьма реальную угрозу и являлась основной причиной, которая могла вынудить

³⁵ 20 февраля 1687 г. Канси издал указ о направлении в маньчжурские войска на Амуре врачей в связи со вспыхнувшими эпидемиями (см. «Шэнцзу шилу», гл. 129, стр. 2а-б).

³⁶ «Бацн тунджи чуци», гл. 153, стр. 206; «Пиндин лоча фанлюе», гл. 7, стр. 3а.

³⁷ «Шэнцзу шилу», гл. 131, стр. 166—18а; «Пиндин лоча фанлюе» этого указа не приводит.

маньчжурские войска вообще уйти с Амура и нижнего течения Сунгари, то есть оставить те позиции, которые были ими с таким трудом достигнуты. Все это отражало общую слабость маньчжурского влияния в Приамурье. Обращает также на себя внимание признание низкого боевого духа маньчжурского войска, которое долго и безуспешно осаждало Албазин, и сетования Канси на то, что его военачальники стремятся поскорее уйти с Амура и прекратить дальнейшую осаду Албазина.

Наконец, очень важно отметить и то, что в своем указе Канси не только допускал реальную возможность оставления маньчжурами Приамурья, но и ясно представлял себе возможность — вслед за уходом маньчжуров — дальнейшего продвижения русских не только по Амуру, но и в бассейн Сунгари, где на огромных территориях вплоть до Гирина маньчжуры не имели никаких опорных баз и поэтому фактически не смогли ничего противопоставить русскому продвижению. Следовательно, указ Канси является важным доказательством того, что земли по Амуру и Сунгари и их притокам были до прихода сюда русских нейтральной территорией, отнюдь не входившей в состав Цинской империи.

После отвода маньчжуро-цинских войск из-под Албазина началась подготовка мирных переговоров между Русским государством и Цинской империей. Они состоялись в 1689 г. в Нерчинске в условиях продолжавшейся маньчжуро-цинской агрессии в Приамурье. Еще в мае 1688 г. цинское правительство приказало Лантаню, Баньдарша и другим полководцам с 1 500 солдатами отправиться «разведать положение русских». 20 июля маньчжурские войска по воде и суше прибыли в Чакэдань, откуда с отрядом в 500 конных латников Лантань подошел к Албазину, объехал его укрепления и разведал их состояние. В частности, маньчжуры обнаружили, что в окрестностях Албазина имеется более 1 000 цинов (один цин = 6,14 га) засеянной пашни. На другой день маньчжурское войско вопреки протестам русской стороны прошло по Амуру мимо Албазина в западном направлении. Маньчжуры разбили свой лагерь в Туньсэцинь, а Лантань с несколькими десятками конных латников отправился в «местность Элигуно» (на р. Аргунь). После разведки маньчжурские войска вернулись к Албазину и разместились у самых стен города, фактически вновь осадив его. Они предъявили жителям Албазина безосновательные претензии, что те якобы «самовольно» засеяли поля в окрестностях города, и вновь совершили агрессивные акты против защитников Албазина, скосив посеянные вокруг города хлеба и бросив скошенное в Амур. После этой диверсии маньчжурское войско ушло из-под Албазина³⁸. Под предлогом, что в Пекине якобы получено известие о том, что русский посол Головин уже прибыл в Нерчинск для переговоров с цинскими представителями, Канси приказал главе своей миссии Сонготу выехать в Нерчинск, расположенный в глубине русской территории. Цинское посольство направлялось на переговоры, как на войну. Канси распорядился переместить в Нерчинску маньчжурское войско. Основу его составляли 1 500 хэйлунцзянских воинов, а также конвой китайского посольства. Сонготу должен был вести часть этого войска по суше; членам делегации Лантаню, Баньдарша, Сабсу и др. было приказано добираться до Нерчинска на судах по Амуру и Шилке вместе с маньчжурским флотом из 100 судов, вооруженных пушками. 4 июля эта флотилия миновала Албазин, игнорируя протесты русской стороны против этого вооруженного вторжения на русскую территорию. 26 июля маньчжурские суда прибыли к Нерчинску, куда одновременно подошли и цинские войска, двигавшиеся по суше. В город был послан маньчжур Баймодо с двумя товарищами узнать, «приехал ли русский посланник»³⁹. Уже самый этот вопрос говорит о том, что, вводя свои

³⁸ См. «Баи тунджи чунзи», гл. 153, стр. 206, 21а, 21а-б.

³⁹ Там же, стр. 21б—22а-б.

вооруженные силы на территорию Русского государства, маньчжуры знали, что Ф. А. Головин еще находился на пути в Нерчинск. Цинские представители прибыли на переговоры, проходившие на русской территории, с большим войском, вооруженным пушками, имея к тому же секретное распоряжение Канси «действовать в соответствии со сложившейся обстановкой». Все это больше походило на стремление продемонстрировать военное могущество Цинской империи, чем на желание вести мирные переговоры на равной основе. И действительно, как показали дальнейшие события, Цины использовали свои войска как средство давления на русское посольство.

Маньчжурская делегация начала переговоры с требования об уступке Цинской империи не только всей заселенной русскими Даурии, но и Забайкалья и других уже освоенных русскими районов. «[Цинские] сановники предложили русскому послу: «Река Лиянацзян (р. Лена.— Г. М.) первоначально являлась нашего государства (Цинской империи.— Г. М.) границей (?!), поэтому каково будет, если пограничною межою сделать эту реку?» На это Федор [Головин] не согласился»⁴⁰.

Тогда цинское посольство решило обратиться к демонстрации военной мощи. «На третий день (переговоров) Лантань, видя такую неуступчивость Федора (Головина), сказал тайно всем сановникам: «Перед нашим отправлением в поход (!) было дано секретное высочайшее повеление действовать в соответствии со сложившейся обстановкой. Ныне же очевидно, что русских можно принудить (согласиться на наши условия) только с помощью военной мощи. Сегодня ночью я прикажу отборным войнам из восьми знамен и нингутаских отрядов незаметно переправиться на противоположный берег и устроить в лесу и падах засаду близ их, русских, города. С рассветом вы все отправляйтесь на официальные переговоры с ними. Если их посол подчинится — на том и конец. Если же снова не подчинится, мы устроим его нашей военной силой и благополучно завершим (порученное нам) дело». Той же ночью он переправил все войска и спрятал их в лесу. Утром все сановники по-прежнему явились в шатры (для переговоров). Толковали до полудня, (но русский посол) продолжал упорствовать. Лантань раздал охранному восьмизнаменному войску и другим войскам пожалованные императором восемь знамен с драконами. Под его командованием это войско стало взад и вперед маршировать в окрестных лесах и падах с тем, чтобы продемонстрировать (перед русскими) свою силу и могущество»⁴¹. Таким образом, официальные маньчжурские источники подтверждают, что Нерчинский договор был подписан в условиях военного и политического нажима, который был оказан цинскими представителями на русское посольство во время переговоров.

Первые три статьи определяли условия разграничения владений двух государств. Граница устанавливалась по р. Аргуни, «идучи тою рекою до самых вершин», таким образом, что правый ее берег отходил к Цинской империи, а левый признавался собственностью Русского государства. Далее граница устанавливалась по притоку Амура — р. Б. Горбице, а от ее истоков по горным хребтам до района южнее реки Уди. Обширное пространство, простирающееся к югу, начиная с верховьев реки Уди и до моря, было оставлено не разграниченным, «до иного благополучного времени». По договору, Албазин должен был быть разорен, а его жители и их имущество вывезены на русскую сторону, причем цинское посольство клятвенно подтвердило, что на месте Албазина не будет никаких цинских поселений. Так в результате военного

⁴⁰ Там же, стр. 23а. Подробнее о ходе переговоров см.: П. Т. Яковлева. Указ. соч., стр. 162—205; В. А. Александров. Россия на дальневосточных рубежах, стр. 187—195.

⁴¹ «Бащи тунджи чуцзи», гл. 153, стр. 23а-б.

нажима Цинская империя на первом этапе территориального размежевания в Приамурье добилась от Русского государства значительных территориальных уступок, к числу которых относилось левобережье Амура, правый берег Амура с цепочкой русских поселений выше и ниже Албазина, правый берег Аргуни, где находился Аргунский острог.

По свидетельству маньчжурских источников, Цинская империя получила по Нерчинскому договору земли, никогда ей ранее не принадлежавшие. Это подтверждает необоснованность тех притязаний на указанные русские земли, которые выдвигались в предшествующих указах Канси. Одним из таких документов является донесение об итогах нерчинских переговоров, посланное императору членами Государственного совета: «Вы, ваше величество, приказали снять осаду (Албазина.— Г. М.) и отдали распоряжение сановникам объяснить людям русского государства справедливые принципы (?)... Наши сановники указали (им), где должна быть установлена граница (!?) таким образом, что несколько тысяч ли земель на северо-востоке, ранее никогда прежде не входивших в территорию Китая, теперь все войдут в нашу территорию. Земли на несколько тысяч ли, лежащие на обращенных к Китаю (склонах) Синъаньлина (Хингана), начиная с крайнего (для нас) севера, и пустынные, целиком станут принадлежать территории Китая... Поэтому слава о ваших деяниях проникает повсеместно, распространяясь даже на безлюдные пустыни, которые стали (отныне) входить в нашу территорию...⁴² Так недвусмысленно оценивали характер приобретений, сделанных Цинской империей по Нерчинскому договору, сами маньчжуры.

Появившееся у цинской делегации в ходе нерчинских переговоров стремление определить в первую очередь восточную часть русско-китайской границы (в районе Монголии) не было случайностью. Заключение Нерчинского договора имело чрезвычайно важное значение для осуществления оформившихся к этому времени у маньчжуро-цинских правителей Китая планов дальнейших захватов в Северной Монголии и Центральной Азии. В этом районе Цинская империя считала своей главной задачей ослабление Джунгарского ханства, начавшего в конце 70-х годов XVII в. (с утверждением на ханском престоле Галдана) успешное соперничество с Цинской империей в борьбе за власть в Северной Монголии. В связи с разгромом Галданом группировки халхаских феодалов скорейшее заключение мира с Русским государством было для Цинов особенно желательным, так как в значительной степени ослабляло опасность вмешательства Русского государства в цинско-ойратские отношения на стороне Галдана. Императорский указ 1693 г. специально подчеркивал важность мира с Русским государством для Цинской империи⁴³.

Захват верхнего Амура, правобережья Аргуни, территорий, в хозяйственном отношении уже освоенных русскими, с созданными здесь поселениями и острогами, рассматривался цинскими правителями как первый шаг к осуществлению далеко идущих экспансионистских планов в Монголии и Центральной Азии. Для конца XVII и первой половины XVIII в. вплоть до 60-х годов характерна усилившаяся маньчжуро-цинская экспансия в эти районы. В течение всего этого времени Цинская империя вела непрерывные войны с Ойратско-джунгарским ханством, в процессе которых происходило постепенное завоевание Китаем Монголии и некоторых других районов Центральной Азии⁴⁴. Значительное место во внешней политике Цинской империи в Монголии в 90-х годах

⁴² «Пиндин лоча фанлюе», гл. 8, стр. 12а—13а.

⁴³ «Шэнцзу шилу», гл. 160, стр. 266—276

⁴⁴ См. Л. И. Думан. Аграрная политика цинского (маньчжурского) правительства в Синьцзяне в конце XVIII в. М.—Л. 1936; И. Я. Златкин. История Джунгарского ханства (1635—1758). М. 1964.

XVII в. занимала также агитация среди бывших халхаских подданных, бежавших в пределы Русского государства (в частности, в район Селенгинска), за возвращение в Цинскую империю. Для этого применялись подкупы, подарки и наделение перебежчиков почетными чинами и званиями⁴⁵. Вся эта деятельность была прямым нарушением соответствующих статей Нерчинского договора о перебежчиках.

Позиция России в отношении цинско-джунгарского конфликта и строгое соблюдение ею условий Нерчинского договора нашли признание в указе цинского императора от 1700 года. Этот документ весьма интересен с точки зрения имеющихся в нем данных о подданстве бурят, а также тувинцев (урянхайцев). В указе говорилось: «когда Галдан оказался в трудном положении, он попросил у них (русских.— Г. М.) помощи, но они ему отказали. В прошлом (они) посылали людей для проведения границы и тогда преподнесли нам местность к востоку от Нерчинска (1). Нерчинск и его окрестности первоначально были заселены племенами бурят и урянхайцами; они жили в лесах и промышляли охотой на соболей, и за это их называли «лесными людьми». Потом Россия усилилась—и вот уже 50—60 лет, как она присоединила их к себе»⁴⁶. Содержащиеся в указе 1700 г. сведения отражают существовавшую тогда реальность. Русское государство уже в XVII в. претендовало на территорию Тувы (Урянхая) как на бывшее владение Алтын-хана, признавшего себя русским подданным⁴⁷. Цинский двор трудно заподозрить в симпатиях к русским. К тому же известно, что Канси вполне серьезно полагал, что владения России начинаются сразу за Турфаном⁴⁸.

С XVIII в. Цинская империя начинает проявлять повышенный интерес к границе между Русским государством и землями халхаских князей. Это было связано с постепенным возвращением халхасцев, бежавших в свое время от Галдана, на места своих прежних кочевий. Первые свидетельства такого интереса имеются в переписке между цинским двором и маньчжурским военным наместником на северо-востоке Сабсу. Весной 1701 г. цинское правительство приняло решение послать в Нерчинск к И. Власову своего представителя для того, чтобы «распросить о пограничной линии между Россией и Халхой»⁴⁹. В 1704—1705 гг. маньчжуры явочным порядком продвинулись на верхнем Амуре в западном направлении—с р. Большая Горбица на р. Малая Горбица, присоединив таким образом к своей территории довольно значительный район и расширив свои захваты по Нерчинскому договору.

24 июня 1715 г. Цины уведомили русское правительство через его администрацию в Селенгинске, что они в ближайшем будущем предполагают развернуть военные действия против джунгарского хана Цэван-Рабдана, обвиняемого, как говорилось в маньчжурском послании, в «захвате» якобы принадлежавшего Цинской империи владения Хами в Центральной Азии. В грамоте выражалось пожелание, чтобы русская сторона усилила охрану своей границы и воспрепятствовала возможному уходу из пределов России к Цэван-Рабдану его бывших подданных. Во время начавшихся военных действий вождь одного из урянхайских племен—Холормай в октябре 1715 г. вступил в контакт с цинским командующим Бобэйем (представителем племени хотохойтов). Его приветствие императору маньчжурский источник трактует как некое «под-

⁴⁵ «Шэнцзу шилу», гл. 161, стр. 186; гл. 163, стр. 19а; гл. 176, стр. 166 и др.

⁴⁶ Там же, гл. 200, стр. 9а; Хэ Цю-тао. Указ. соч., гл. 1 (вводная), стр. 246; см. также М. Д. Храповицкий. Несколько замечаний относительно давности и законности обладания Маньчжурскою Династией левым берегом Амура. Рукописный отдел Всесоюзной государственной библиотеки имени В. И. Ленина, ф. 273, картон № 22, ед. хр. № 6.

⁴⁷ «Русско-монгольские отношения 1607—1636». Сборник документов. М. 1959.

⁴⁸ «Шэнцзу шилу», гл. 160, стр. 266—276.

⁴⁹ Там же, гл. 202, стр. 36—4а.

чинение» и даже как «желание вступить в подданство»⁵⁰. Материалы биографии Бобэйя содержат свидетельство о том, что тогда у маньчжурского правительства возникли необоснованные претензии на территорию, занятую тувинскими племенами. Именно Бобэй предложил императору сделать Урянхай «границей» земель, якобы занимаемых хотохойтами⁵¹. Канси одобрил это предложение. В данном по этому поводу указе содержатся, в частности, важные сведения о планах дальнейшей экспансии, возникших у императора после успеха в албазинской кампании и заключения Нерчинского договора с Россией. «Поскольку мы одержали победу в кампании против русских,— писал Канси,— подчинение (нам) Урянхая (?) было само собой разумеющимся и благоразумным (для урянхайцев)»⁵².

Под влиянием военных успехов, обозначившихся к 1715 г., маньчжурская сторона стала агрессивна и в вопросе о русско-цинской границе в Халхе⁵³. Стремясь оказать давление на Россию и побудить ее к уступкам во время предстоящих переговоров, Цины прибегли к испытанному приему: они стали мешать развитию русско-китайской и русско-халхаской торговли. Решение о торговых ограничениях в оскорбительной для русской стороны форме было изложено в письме Лифаньюаня⁵⁴. Все эти и некоторые другие меры Цинов означали начало их подготовки к следующему этапу экспансии в Центральной Азии, во время которой Цинская империя намеревалась присоединить к себе новые земли за счет Джунгарского ханства, владений цинхайских племен, Турфана, Хами и других.

Между тем в 1715—1720 гг. линия русских поселений продвинулась в район верховий Иртыша и Енисея. В этой части Сибири и у оз. Зайсан и Ямышева были заложены Ямышевская, Омская, Железненская, Семипалатинская и Устькаменогорская крепости. Русские поселения возникли и в других районах. У оз. Косогол (Хубсугул) был построен Косогольский острог. 31 июля 1720 г. русским правительством было получено письмо из Лифаньюаня, содержавшее жалобу на то, что русские, якобы зашедшие в «китайские» рубежи, построили здесь жилища и, кроме того, «вторглись» в «китайскую область Качинскую»⁵⁵.

В 1719—1721 гг. в Китай направилось посольство капитана Л. Измайлова. 16 сентября 1720 г. Измайлов из Селенгинска отправился в урочище Стрелку и 20 сентября прибыл «на границу китайскую» в Сорочины, в 50 верстах от Селенгинска⁵⁶. 18 ноября он и сопровождавшие его лица были уже в Пекине.

Из многочисленных документов видно, что к этому времени в Северной Монголии фактически уже существовала сложившаяся граница, которая хотя и не была демаркирована, тем не менее соблюдалась как русскими селенгинскими властями, так и зависимыми от Цинов князьями Халхи. Измайлов не имел полномочий на размежевание владений между Россией и Цинской империей. Тем не менее переговоры по пограничным вопросам заняли довольно значительное место в его беседах в Пекине. О неразмежеванности владений между Россией и монгольскими подданными Цинов говорил с русским послом на аудиенции и сам Канси. Пограничные вопросы широко затрагивались и в перепис-

⁵⁰ «Шэнцзу шилу», гл. 263, стр. 276, гл. 265, стр. 96—106.

⁵¹ См. Ли Хуань. Гочао цисянь лэйчжэнь (Жизнеописание мудрых и благородных мужей). Б. м. 1884, гл. 75, стр. 3а—5а.

⁵² «Шэнцзу шилу», гл. 265, стр. 10а-б.

⁵³ Там же, гл. 273, стр. 6а—7б.

⁵⁴ Там же; см. также «Да Цин хуэйдянь шили» («Сборник узаконений великой Цинской империи»). Б. м. 1898, гл. 746, стр. 4б—5а.

⁵⁵ И. Я. Златкин. Указ. соч., стр. 355; Н. Бантыш-Каменский. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 г. Казань. 1882, стр. 90, 97.

⁵⁶ Н. Бантыш-Каменский. Указ. соч., стр. 91.

ке между Измайловым и цинскими министрами, происходившей с 28(18) декабря 1720 г. по 12(2) марта 1721 года. Маньчжурская сторона утверждала в своих письмах, что тувинцы якобы находятся в подданстве Цинской империи. В связи с этим цинское правительство выражало «недовольство» строительством Косогольского острога. Стремясь к дальнейшим захватам в Центральной Азии, цинские чиновники на переговорах с Измайловым (равно как и в последующий период) фактически игнорировали существование сложившейся границы в Халха-Монголии. Свои домогательства они простерли до такой степени, что объявили «пограничной» р. Ангару и без всяких оснований требовали сношения таких русских городов в Сибири, как Амунакан, Селенгинск, Удинск и Нерчинск⁵⁷. Опрометчиво надеясь на успешное окончание уже в 1721 г. войны с Джунгарским ханством, маньчжуро-цины собирались даже построить на Иртыше свою крепость.

Основные направления маньчжуро-цинской политики в отношении России, выработанные при Канси, не претерпели сколько-нибудь принципиальных изменений и при его преемнике — императоре Юнчжэне (1723—1735 гг.). Понимая неизбежность дальнейших переговоров с Россией по территориальным вопросам, Цины, верные своей «посольской» практике, приступили прежде всего к осуществлению необходимой, на их взгляд, военной подготовке к предстоящим переговорам. Предложив ранее русскому правительству использовать для войны со Швецией «безо всякого опасения», как говорилось в документе, войска с восточной границы России, Цины сами продолжали держать в Приамурье армию численностью в 9500 воинов (оправдываясь при этом необходимостью «защиты» своих владений от русских!). В феврале 1725 г. численность маньчжурской армии на границах с Россией была увеличена еще на 300 человек. Давая указание о таком увеличении численности войск, Юнчжэн снова подчеркнул важность и стратегическое значение Приамурья для «обороны» империи⁵⁸.

В 1725—1726 гг. военно-политическая обстановка в Центральной Азии стала более благоприятной для осуществления планов Цинской империи. Под датой 16 марта 1724 г. в маньчжурских источниках приводятся сведения о том, что цинским войскам удалось сломить сопротивление цинхайских племен и занять район современного Цинхая. К 1726 г. Цины заключили временное перемирие с Цэван-Рабданом. Те же источники сообщают, что Цины якобы достигли тогда договоренности с Джунгарским ханством о разграничении по «хребту Алтайских гор»⁵⁹. В действительности же установление границы «по Алтаю» было в то время лишь требованием маньчжуро-цинской стороны, которое правитель Джунгарии решительно отклонил. Длительные переговоры по территориальному вопросу между двумя государствами завершились значительно позднее — к 1739 году. В результате уступок с обеих сторон в конечном счете такая граница была установлена по Монгольскому Алтаю и озеру Убса-нор. Земли, лежащие к востоку от этой линии, «признавались принадлежащими Халхе, а к западу от нее — Джунгарскому ханству. В итоге Ойратское государство потеряло значительную часть своей первоначальной территории, но сохранило весь Восточный Туркестан»⁶⁰.

После заключения перемирия с Джунгарским ханством Цинская империя начала форсировать подготовку к предстоящим переговорам с Россией по территориальному вопросу. Об активности маньчжурской

⁵⁷ Там же, стр. 97, 117.

⁵⁸ «Да Цин Шицзун Сяньхуанди шилу» («Правдивые записи о правлении Наставляющего императора Шицзуна великой Цин») (далее — «Юнчжэн шилу»), гл. 27, стр. 19а—20а.

⁵⁹ «Юнчжэн шилу», гл. 17, стр. 96—10а; гл. 19, стр. 21а; гл. 40, стр. 256—266.

⁶⁰ И. Я. Златкин. Указ. соч., стр. 377.

стороны в 1726—1727 гг., то есть в период, непосредственно предшествовавший заключению Буринского и Кяхтинского договоров, дает представление официальный документ, датированный в цинской хронике 22 февраля 1726 года. «Император указал главным секретарям и начальникам девяти ведомств (министерств): ...В настоящее время мы и Цэван-Рабдан будем обозначать хребет Алтай в качестве естественной границы (между нашими владениями)... Мы должны тщательно изучить рельеф Алтайских гор, до того как вы будете в состоянии обсуждать (с русскими) размежевание наших границ. Мы уже указали: ...Цэлину, нашему зятю Бобейю, циньвану третьей степени Сыгэ, гуну и помощнику начальника лейб-гвардии Кэрцзишаню, командующему гвардейским отрядом — надлежит отправиться в те места. Ныне мы приказываем Лункэдо (дядя императора.— Г. М.) также присоединиться к этим людям и отправиться вместе с ними на хребет Алтай и в (район), простирающийся к востоку от гор Куньоло и вплоть до района Селенгинска, где они должны изучить топографи(ческие условия) местности и совместно обсудить и донести двору о результатах своих совещаний. Далее, начиная (с района) к востоку от Селенгинска и после пересечения реки Аргунь, они должны спуститься к истокам Амура, так как старая граница в этом районе не была установлена с определенностью (?!— Г. М.). Не дожидаясь того, как будет разрешен вопрос с Алтайскими горами, Лункэдо должен немедленно проследовать к Селенгинску, где со своей стороны тщательно изучить местность и обсудить (вопрос о том, как следует) размежевать здесь границу. В настоящее время для размежевания границ Россия назначила посла, который должен прибыть в Китай, и Лункэдо следует дожидаться на месте того дня, когда приедет русский посол, чтобы обсудить с ним и уладить вопрос о том, где должны быть установлены (наши) естественные границы (с Россией). ...Если его заключение относительно (условий) пограничного размежевания не будет служить нашим интересам, или же, если он вызовет какие-либо инциденты на территории Цэван-Рабдана или России,— мы непременно накажем его»⁶¹.

В документе обращает на себя внимание следующее. По условиям Нерчинского договора, левый берег р. Аргуни «до ее вершины», то есть до истоков, признавался русской территорией. Теперь же маньчжурское правительство поручало своим эмиссарам переправиться через Аргунь, чтобы осуществить разведку «истоков р. Амура», что нельзя оценить иначе, как грубое нарушение договорных обязательств. Как явствует из документа, перед цинской экспедицией были поставлены весьма конкретные цели: в одном случае проникнуть на русскую территорию, а в другом — на территорию, являющуюся предметом спора с джунгарами (район Алтайских гор), и осуществить здесь тщательное ознакомление с местностью, собрав и предоставив двору сведения, которые можно было бы использовать в предстоящих переговорах. Указанная акция была предпринята маньчжурами весьма поспешно и уже после того, как в Пекине получили извещение о предстоящем прибытии русского посла, более того, когда последний уже был в пути. Следует также отметить угрозу Юнчжэна сурово наказать своего дядю Лункэдо, если его рекомендация относительно условий пограничного размежевания «не будет служить нашим интересам», то есть обоснованию территориальных притязаний Цинской империи.

Получив первые донесения от своих посланцев, Юнчжэн принял решение о продвижении своих войск за пределы существовавших цинских границ с тем, чтобы поставить русского посла перед фактом захвата спорной территории. 9 апреля 1726 г. император приказал двинуть войска с границ Джунгарского ханства на земли тувинского племени, проживавшего в междуречье рек Кема и Кемчика. Этот акт, предпринятый перед

⁶¹ «Юнчжэн шилу», гл. 40, стр. 256—266.

переговорами, преследовал две цели: во-первых, он ставил Россию перед фактом захвата части спорной территории; во-вторых, Цинская империя, заняв территорию между этими реками, овладевала важным плацдармом, стратегически ценным как для дальнейших операций против Джунгарского ханства, так и на случай возникновения осложнений с Россией.

Этот экспансионистский акт сопровождался попытками скрыть агрессивную сущность цинской внешней политики. Императорский указ, который имеется в «Шилу», голословно утверждал, что земли тувинского племени не принадлежат России, а только «примыкают к русской территории», а также граничат с принадлежавшей джунгарам территорией другого урянхайского племени. Однако в том же документе указывалось, что район, занятый цинскими войсками, лежит «за пределами границ Халхи»⁶², что разоблачает действительную сущность предпринятой маньчжурами вооруженной акции. В указе лицемерно говорилось о стремлении Цинов «защитить» тувинцев от угрозы порабощения их Цэван-Рабданом. Тувинцев запугивали всевозможными опасностями, якобы «угрожавшими» им как со стороны Цэван-Рабдана, так и со стороны России. Местному населению даже предлагалось «убежище» на территории, контролируемой цинскими войсками, в случае вторжения войск Цэван-Рабдана. В воззвании к населению, которое распространяли цинские посланцы, содержалось циничное утверждение: «...Вы, племена Урянхая, в течение многих поколений проживали в лесах и занимались охотой, (изыскивая этим) средства к своему существованию. Всякий раз, когда вы встречались с сильным народом, вы всегда сразу же (соглашались) присылать ему дань. Именно как подданные вы платили дань монгольским правителям, следовательно, вы являетесь также и моими подданными»⁶³. Таким образом, уже при первом вторжении на территорию Тувы Цины пустили в ход дезинформацию, различные посулы и прямые угрозы, то есть все те приемы, которые неизменно сопутствовали проникновению Цинской империи в Центральную Азию.

Для урегулирования с цинской стороной вопросов о торговле и границах российское правительство назначило еще 18 июня 1725 г. С. Л. Владиславича-Рагузинского. Ему было поручено произвести территориальное размежевание, «не отдавая, однако, в китайскую сторону тех мест, в которых имеются российские города и крепости», и не соглашаясь «ни на какое упорное китайцев требование в уступке им из российских селений»⁶⁴. Однако Рагузинский не сумел полностью выполнить это поручение в основном из-за тех трудностей, с которыми ему пришлось столкнуться при переговорах. 24 августа 1726 г. Рагузинский прибыл на китайскую границу, где встретился с министрами Лункэдо и Секи. Русский посланник тщетно домогался разрешения описать пограничные места, однако маньчжурские министры отказали ему в этом⁶⁵. 21 октября русский посол прибыл в Пекин. Дядя богдыхана — Лункэдо «остался на границах для разграничения». Оставление маньчжурами здесь своего представителя было связано с задачами топографической экспедиции, о которой шла речь выше.

Юнчжэн принял С. Л. Владиславича-Рагузинского 10 апреля 1727 года. Весь период пребывания Рагузинского в Пекине был заполнен напряженными переговорами по пограничным вопросам. Для их ведения были назначены три высокопоставленных цинских чиновника⁶⁶. О напряженности переговоров говорит тот факт, что было предложено в общей сложности 20 проектов договора о границах. Рагузинский вполне обос-

⁶² «Юнчжэн шилу», гл. 42, стр. 76.

⁶³ Там же, стр. 8а.

⁶⁴ Н. Б а н т ы ш-К а м е н с к и й. Указ. соч., стр. 117.

⁶⁵ Н. Б а н т ы ш-К а м е н с к и й. Указ. соч., стр. 125.

⁶⁶ «Суйфу цзидлюе» в «Шофан бэйчэн», гл. 46, стр. 4а.

нованно поставил вопрос о праве России на владение всеми землями Алтын-хана. Цины же претендовали на все земли монголов, определяя поначалу их протяженность ни мало ни много, как до Тобольска. Маньчжурские представители фальсифицировали тот пункт Нерчинского договора, где говорилось о границе по Аргуни. Они утверждали, что разграничение по этой реке (правый берег — цинский, а левый — русский) распространяется якобы только до места впадения в Аргунь р. Мейрелки, находящейся от «вершины» реки более чем в 300 километрах⁶⁷. А в самом начале 1727 г. цинские представители предложили, чтобы граница была установлена по Байкалу и Ангаре. Таким образом, маньчжурская сторона продолжала претендовать на передачу Цинской империи более половины территории уездов Нерчинского, Селенгинского, Удинского, Тункинского и Красноярского, на что русский посол, естественно, не мог пойти. На 23-м заседании стороны согласились придерживаться принципа: «Каждый владеет тем, чем владеет теперь». Но через два дня маньчжурские представители отказались от уже согласованного решения и предложили проект договора, согласно которому Россия должна была пойти на значительные территориальные уступки. Натолкнувшись на решительный протест русского посла, цинские министры применили прямые угрозы. Они изолировали посольский двор от внешнего мира, приставив к нему часовых, заперли членов русского посольства во внутреннем помещении, резко сократили выдаваемую им норму продовольствия. Даже вода для посольства доставлялась настолько недоброкачественная, что половина спутников Рагузинского заболела⁶⁸. Однако все это не привело к уступкам со стороны русского посольства.

После 21 марта было решено перенести переговоры непосредственно в район границы. 14 июня 1727 г. Рагузинский выехал из Пекина и прибыл на Буру, остановившись в 100 км от Селенгинска. К этому времени Лункэдо, «не отлучаясь от границ, успел оные описать»⁶⁹. Теперь маньчжуры получили наконец в свои руки результаты топографического исследования спорных районов. Начался новый тур переговоров, который оказался не менее трудным, чем в Пекине.

В результате этих переговоров в 1727 г. был подписан Буринский предварительный договор, а в 1728 г. — Кяхтинский договор⁷⁰, разрешившие вопросы о границах, о перебежчиках, о русско-китайской торговле. Кяхтинский договор был заключен в итоге почти трехлетних переговоров. По договору граница между Россией и Китаем простиралась от сопки Абагайту на востоке до перевала Шабин-дабага в системе Саянских гор на западе. Здесь она смыкалась с границами джунгарских ханов. Подтверждены были условия Нерчинского договора о неразграниченности территории к югу от р. Уди. Установленная граница была в основном демаркирована, однако на западном ее участке количество поставленных пограничных маяков было совершенно недостаточным: они находились друг от друга более чем в 180 километрах. По новому разграничению, во владении Цинской империи оказывался ряд обширных районов, фактически находившихся к тому времени под контролем России и даже частично освоенных русскими поселенцами. К этим территориям относились прежде всего: Урянхайский край (Тува), а также территория оз. Далай-нор и район оз. Косогол (Хубсугул). Таким образом, новое разграничение учитывало исторически сложившуюся условную линию русско-халхаской границы в Монголии только в районе Селенгинска и частично к востоку от него. Несмотря на провозглашение

⁶⁷ Н. Бантыш-Каменский. Указ. соч., стр. 131—132.

⁶⁸ Е. П. Силин. Кяхта в XVIII в. Из истории русско-китайской торговли. Иркутск. 1947, стр. 31.

⁶⁹ Н. Бантыш-Каменский. Указ. соч., стр. 139.

⁷⁰ «Русско-китайские отношения. 1689—1916. Официальные документы». М. 1958, стр. 11—12.

принципа «каждый владеет тем, чем владеет теперь», маньчжурская сторона вновь, как и по Нерчинскому договору 1689 г., и на этом этапе размежевания вынудила Россию к ряду весьма важных уступок.

В результате многолетних, почти непрерывных войн с Ойратским государством Цинской империи удалось разгромить Джунгарское ханство, истребив подавляющее большинство его населения. Преследуя бежавшего в казахские степи последнего претендента на джунгарский трон — Амурсану, цинские войска в 1757—1758 гг. вторглись в земли казахских ханов. Однако из-за значительной удаленности этих районов, слабости и малочисленности маньчжурских войск, а также других причин Цины не смогли навязать казахам своего господства. Характер маньчжуро-казахских отношений и политика Цинской империи в казахских кочевьях были сформулированы императором Цяньлуном следующим образом: «Когда мы говорим, (что) казахи подчинились и перешли на нашу сторону, то под этим (следует) понимать лишь (наше) стремление привлечь (их), подобно владениям Аннам, Рюкю и Сиам. Желаем, чтобы они стремились к просвещению со стороны нашей династии, и только. Отнюдь не намереваемся (учредить) на их землях области и уезды (то есть включить их в территорию Цинской империи.— Г. М.) и установить систему управления и поставить чиновников, а также (ввести разделение) на знамена (корпуса.— Г. М.) и цзолины (роты.— Г. М.), как в Халхе»⁷¹.

В 1759 г., несмотря на упорное сопротивление уйгуров, Цины завоевали Восточный Туркестан⁷². Как и в случае с Амурсаной, при подавлении восстания братьев-ходжей Бурханад-Дина и Хан-Ходжи Цины установили внешнеполитические отношения с Кокандским ханством, Бадахшаном и Болором. Однако политическое и военное влияние Цинской империи в этих областях было еще слабее, чем в землях казахов.

В заключение следует остановиться еще на одном вопросе, связанном с территориальным разграничением между Китаем и Россией в XVII—XVIII веках. Речь идет о признании маньчжурской стороной статуса Нерчинска. Несмотря на то, что Нерчинск в течение всего рассматриваемого периода неизменно оставался русским, он даже еще в середине XVIII в. фигурировал в цинских документах как владение Цинской империи. Об этом прямо говорится, например, в одном из документов «Шилу» от 9 марта 1757 года⁷³. Это, несомненно, отзвук тех территориальных притязаний, которые Цины широко пропагандировали во второй половине XVII — первой половине XVIII века. Только в 1793 г. цинские правители наконец твердо «уяснили» себе, что Нерчинск принадлежит Российской империи. Это нашло отражение в указе императора Цяньлуна, документе весьма любопытном с точки зрения представлений Цинов об обстановке на северной границе в конце XVIII века⁷⁴.

Территориальное размежевание между Россией и Цинской империей в Приамурье и Центральной Азии представляло собою длительный и сложный исторический процесс, протекавший в течение почти 200 лет. Из приведенных выше фактов, почерпнутых из самих маньчжуро-цинских источников, видно, что в рассматриваемый период русская сторона была принуждена по Нерчинскому договору 1689 г. и Буринскому и Кяхтинскому договорам 1727 и 1728 гг. к ряду важных территориальных уступок в пользу Цинского Китая. Только в XIX в. этой политике уступок был положен конец, и Россия сумела вернуть себе земли, утраченные ею в предшествующий период.

⁷¹ «Да Цин Гаоцзун Чуньхуанди шилу» («Правдивые записи о правлении благородного императора Гаоцзуна великой Цин»). [Токио]. 1937, гл. 543, стр. 15а (далее — «Гаоцзун шилу»).

⁷² Л. И. Думан. Указ. соч., стр. 100.

⁷³ «Гаоцзун шилу», гл. 531, стр. 86.

⁷⁴ Там же, гл. 1422, стр. 216—22а.